

DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-13
УДК 882

© Швецова Т.В., 2018

Швецова Татьяна Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
(Северодвинск, Россия)
E-mail: tavash@yandex.ru

Shvetsova Tatiana Vasilievna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named by M.V. Lomonosov
(Severodvinsk, Russia)
E-mail: tavash@yandex.ru

**«МИР ПОСТУПКА» ЧИНОВНИКА
В «ПЕТЕРБУРГСКОМ СБОРНИКЕ»
(1846)**

**“UNIVERSE OF ACTIONS”
OF AN OFFICIAL IN “PETERSBURG
COLLECTION” (1846)**

Аннотация. Понятие «поступок» употребляется в литературоведении для характеристики положения литературного героя в художественном мире произведений разных жанров, в том числе пограничных, возникших на пересечении документа и литературного текста. Именно такие жанры объединил «Петербургский сборник» (1846).

В фокусе внимания один из центральных для русской литературы 40-х годов XIX века образ чиновника. Его своеобразие в этот исторический период автор статьи связывает с актуализацией «кризиса» в русской литературе, порождающего героя, неспособного к совершению поступка.

Ключевые слова: герой, поступок, кризис, русская литература XIX века, «Петербургский сборник», Ф.М. Достоевский, А.Н. Майков, Н.А. Некрасов

Abstract. The concept of “act” is used in literary criticism to characterize the position of a literary hero in the artistic world of works of different genres, including genres that appeared as a combination of document and literary text. These genres were united in “Petersburg collection” (1846). Having analysed a constant image of the Russian literature of 1840s, namely the image of official, it seems possible to add to the meaning of the term. It is concluded that in the situation of “hero’s crisis” Russian literature creates “un-acting hero”, to which the image-type of an official belongs.

Keywords: hero, act, crisis, Russian literature of the XIXth century, “Petersburg Collection”, F.M. Dostoevsky, A.N. Maykov, N.A. Nekrasov

Введение

Художественному образу чиновника в русской литературе XIX века посвящено много работ: диссертации, публикации, выдержанные в традициях различных направлений гуманитарного знания. Исследователи анализируют типологию образов чиновников как в русской литературе в целом [14], так и в творчестве отдельных авторов: например, у Н.В. Гоголя [1], И.А. Гончарова [35], А.Ф. Писемского [15], Ф.М. Достоевского [2], И.И. Панаева [6] и др. Он рассматривается в научной литературе как концепт [23], как «лингвокультурный типаж» [39], как «архетипический образ» [7], [9], [37], «ментальная сущность» [21]. «Чиновник» как литературный персонаж ассоциируется с одной из магистральных тем в русской литературе – темой маленького человека [31], [38], [43].

Наше исследование строится на материале «Петербургского сборника», изданного Н.А. Некрасовым в 1846 году. А своеобразие исследовательского подхода к этому материалу оправдано тем, что он рассматривает проблему поступка через призму литературного героя.

С недавних пор понятие «поступок» вошло в арсенал инструментов профессионального литературоведения. Круг специалистов, сделавших поступок предметом специального анализа, постоянно расширяется (Д. Боснак [5], И. Монхбат [22], Н. Николаев [24], Е. Полева [29], М. Эпштейн [41] и др.). В своей работе мы опираемся на трактовку поступка как активно-ответственного, волевого, ценностно значимого деяния, определенным образом ориентирующегося в мире и тем самым определяющего положение литературного героя в этом мире. Л.Г. Кришталева пишет о важнейших характеристиках поступка: это «признание» (или неприятие) человеком мира [16, с. 5]. На наш взгляд, именно это в конечном счете маркирует «единственность места» поступающего человека в мире.

Методологическую базу исследования составили работы, посвященные поступку как философско-гносеологической категории (см.: Т.Л. Готьятова [10], Л.Г. Кришталева [16], Р.А. Лошаков [19], и др.) и категории поэтики художественного текста (Б.В. Томашевский [32], В.И. Тюпа [33], В.Е. Хализев [34] и др.).

Наши рассуждения опираются на фундаментальные положения работы М.М. Бахтина «К философии поступка» [3], в тексте которой активно используются понятия: «мир события», «мир поступка», «единственность места поступающего в бытии» [3, с. 53].

Сегодня с опорой на философские положения, выдвинутые М.М. Бахтиным, сформулирована точка зрения, согласно которой основное содержание литературного произведения в строго теоретическом плане составляет событие поступка («поступка чувства, поступка мысли, поступка дела» (М.М. Бахтин)), а особый статус литературного героя художественного произведения определен тем, что в отличие от иных персонажей он и является непосредственным центром исхождения поступка [24]. Вслед за этим Н.И. Николаевым поставлена как литературоведческая проблема «кризиса поступка» героя. Суть ее заключается в том, что между экзистенциальным мотивом поступка и его «продуктом» в определенный исторический период образовывается разрыв. Как на «кризисный» указывается в русской литературе на период, следующий за первой третью XIX века [24]. Этот вывод подтверждается более поздними наблюдениями [25].

Основная часть

В сороковые годы XIX века чиновник становится одним из объектов изображения у русских писателей. Чиновники были новой нарождающейся материальной и духовной силой, формирующейся в рамках старого общества.

Чиновник в России – служилый человек. «Чиновник – человек, само название которого производится от слова «чин», – пишет в своей статье «Люди и чины» Ю.М. Лотман. – «Чин» в древнерусском языке означает «порядок». <...> Чиновник – человек жалования, его благосостояние непосредственно зависит от государства. Он привязан к административной машине и не может без нее существовать. Связь эта грубо напоминает о себе первого числа каждого месяца, когда по всей территории Российской Империи чиновникам должны были выплачивать жалованье. И чиновник, зависящий от жалованья и чина, оказался в России наиболее надежным слугой государства. Если во Франции XVIII века старое судейское сословие – «дворянство мантии» – дало в годы революции идеологов третьему сословию, то русское чиновничество менее всех других групп проявило себя в революционных движениях» [18]. Исследователь фиксирует ключевые свойства образа: назначение чиновника – поддерживать порядок, он – «наиболее надежный слуга государства», менее всего проявляет себя в революционном движении. Русские писатели с XVIII века описывали

публичное и личное пространство чиновничьего мира. С этим героем связана эволюция представлений о службе и служении в русской литературе.

В «Финском вестнике» за 1845 год находим такой отзыв о чиновниках: «Мы хотим действительности во что ни стало, и самый любимый наш герой теперь не поэт, не импровизатор, не художник, а чиновник, или пожалуй откупщик, ростовщик, вообще приобретатель, то есть самое непоэтическое существо в мире» [Цит. по: 20]. Таким образом чиновник, как относящийся к ряду «новых героев», противоречит представлениям о «поэтичности», вносит диссонанс в гармонию мира, как она понимается в традиционном художественном измерении. В литературном дискурсе появляется позиция героя, не вписывающегося в «правильную» модель мира, что само по себе свидетельствует об изменении этой самой модели.

Один из первых критиков «Петербургского сборника» – С.П. Шевырев в рецензии на сборник Некрасова 1846 года фактически указывает на то, что мир чиновнический – почти единственный материал петербургской словесности: «В северной столице, под величавым миром европейского блеска, роскоши, неги, таится мир, невидимый для глаза, увлеченного великолепием: сюда принадлежат и бедные чиновники-переписчики, чуть заметные винты в государственной машине, но также люди. Кроме того, что они доставляют на всю Россию бесконечное число бумаг, необходимых по управлению, они доставляют также и литературе почти единственный материал для водевилей, комедий, повестей, сатирических сцен, эскизов и проч. Вся она почти исключительно на них выезжает. Едва ли проходит вечер, чтобы в петербургских и московских театрах не посмеялась над ними публика» [36].

Избранный в качестве материала сборник произведений русских писателей примечателен тем, что, во-первых, он не переиздавался со времени своего выхода в свет и сегодня считается библиографической редкостью. Во-вторых, никогда не рассматривался как смысловое целое, а «растаскивался» на свои составляющие. В-третьих, «Петербургский сборник» появился в печати на этапе генезиса и стремительного развития реалистической парадигмы словесно-образного освоения отношений мира и человека.

Долгое время в отечественном литературоведении доминировало мнение, что второй некрасовский альманах не является в истории литературы новой вехой, а всего лишь продолжает «Физиологию Петербурга». Исследователи обратили внимание, что «критика булгаринского лагеря не заметила разницы между «Физиологией Петербурга» и «Петербургским сборником» (1846)» [17, с. 609–610]. Вероятно, это и послужило основанием тому, что «Петербургский сборник» в последующем так и не привлек внимания как самостоятельное историко-литературное явление.

Критики альманаха в 40-е годы упрекали авторов в неоригинальности, подражательности, соединении пушкинского, лермонтовского и гоголевского начал. Множество упреков раздавалось с разных сторон: авторов обвиняли в отсутствии новизны, «примитивности» сюжетов, очевидной «бедности» содержания, «некрасивости» слога, «нестройности» (К.С. Аксаков, А.В. Никитенко, О.И. Сенковский, Л.В. Брант и др.).

Однако внимательное рассмотрение произведений некрасовского альманаха 1846 г. показывает очевидную динамику у авторов нового издания в интерпретации и подаче известных тем и образов. Например, у Некрасова в «Колыбельной песне» образ чиновника в сравнении со стихотворением «Чиновник» в первом альманахе менее статичен и шаржирован.

В «Петербургском сборнике» как минимум три произведения, посвященных жизнеописанию чиновников: роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», поэма А.Н. Майкова «Машенька», стихотворение Н.А. Некрасова «Колыбельная песня».

Чиновник здесь не в традиционном ракурсе служащего сословия, а в роли заботливого опекуна (Макар Девушкин), отца взрослой дочери (Василий Тихоныч Крупа), ребенка (лирический герой в «Колыбельной песне»). Поступки этих персонажей в меньшей степени детерминированы обстоятельствами их публичной жизни. Авторы «Петербургского сборника», в отличие от «Физиологии Петербурга», сосредоточены на суверенной личной жизни чиновников.

«Петербургский сборник» открывается историей о бедном чиновнике. Именно «Бедные люди» как первое опубликованное произведение великого русского писателя чаще всего оказывались в сфере внимания в XIX–XXI столетиях. Уже не раз было отмечено, что в истории Макара Девушкина Ф.М. Достоевский повторяет историю Самсона Вырина из пушкинского «Станционного смотрителя», а в истории «бедной» Вари прочитывается история «Бедной Лизы» и «бедной» Дуни, только с благополучным исходом [13].

Близкие этому характеристики могут быть отнесены к поэме А. Майкова «Машенька». Связь «Бедных людей» и «Машеньки» с сочинениями Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина заметили еще критики 40-х годов – С.П. Шевырев и В.Г. Белинский. По всей видимости, их обращение к карамзинскому и пушкинскому претекстам определено стремлением внести коррективы в традиционные мотивы и образы, способствующие формированию иных смыслов.

У Макара Девушкина и Василия Тихоныча Крупы есть общая родовая для русского чиновничества черта – любовь к переписыванию. По наблюдениям М. Эпштейна [42], оба они восходят к архетипическому образу писца, глубоко укорененному в мировой культуре. В литературе XIX века этот архетип трансформируется в образ чиновника-переписчика, испытывающего любовь к букве. Но оба автора раскрывают разные возможности художественного переосмысления этой черты.

Роман в письмах Ф.М. Достоевского нацелен на расширение личного пространства чиновника, раскрывает его внутренний мир [12]. Обращает на себя внимание первая фраза в тексте Достоевского: «Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!» [11, с. 4]. Это концентрация переживания счастья человеком при мысли, что он может быть полезным; выражение предельной степени удовольствия. Герой Ф.М. Достоевского выстраивает свою модель гармонии, согласовывая ее со своим пониманием мироустройства.

Макар Девушкин не простой «маленький человек», малоимущий переписчик: его и к награде представили, и девушку содержать он может себе позволить. Это герой, идущий по пути обретения собственного самовитого слова. Макар Девушкин в письмах пытается «обрести слог» – и при этом постоянно повторяет Вареньке, что слог его плох, красиво изъясняться он не умеет, и только в последнем письме отмечает: «у меня и слог теперь формируется» [11, с. 164]. Традиционная для чиновника «любовь к букве» заменена здесь поиском смысла, иных, внеположенных внешней жизни ценностей. Средством общения между ним и Варенькой выступают письма, а в основе этого общения лежит любовь обоих персонажей к литературе. Заметим, что Варенька, пока жила в родительском доме в деревне, книг совсем не читала – лишь приехав в Петербург, она открыла для себя Пушкина, Гоголя... Показателен эпизод, в котором она вынимает книгу из библиотеки Покровского (на латинском языке) и расстраивается, что не может ее прочесть. Она не знает языка, не знает кода, поэтому му человек – хозяин книги – остается чужд для нее.

Логос, Слог, Слово – особенная субстанция, раскрывающаяся за чертой внешнего существования, за гранью быта. «Я вас узнал, словно проснулся, себя узнал» [11], – пишет Девушкин, явно раскрывая для себя и раскрываясь в инобытийном простран-

стве. Сочиняя письма к Вареньке, Девушкин словно священнодействует, но это не чиновничье преклонение перед буквой, это открытие новых смыслов.

В последнем письме к Вареньке Макар Девушкин передает крайнюю степень собственного страдания, порыв к самоубийству: «Я, маточка, под колеса брошусь; я вас не пушу уезжать! <...> Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!» [11, с. 164–165]. Во всем этом чувствуется порыв, сопровождающий и определяющий «поступок» пушкинского Самсона Вырина. Его безусловное стремление сохранить внешний миропорядок, так вероломно разрушенный и тем самым обесмысливший его жизнь. Но «бедный чиновник» Ф.М. Достоевского поведет себя иначе, утратив свою «бесценную Варвару Алексеевну». В его ценностной системе координат такая реакция лишена смысла, изменение внешних условий, обстоятельств, как для его литературных предшественников, не меняет существа проблемы человека, открывшего для себя бытие за гранью быта.

В Девушкине под влиянием обстоятельств проснулось сознание и самосознание. На это обращает внимание Ю.М. Проскурина. Исследовательница считает наивысшей точкой развития художественного метода «натуральной школы», становление которого происходило, в том числе, и в рамках «Петербургского сборника», – именно «пробуждение сознания в обыкновенном человеке», вызывающего к тому же у писателей натуральной школы «не только сочувствие, но часто уважение» [30].

Однако, с точки зрения героев предшествующей Макару Девушкину литературной эпохи, он отказывается от совершения единственно возможного и нравственно целесообразного в его ситуации поступка. Не совершающий своего знакового, протестного поступка маленький человек – очевидно новое явление в русской литературе.

Смысл названия романа Ф.М. Достоевского Т.А. Касаткина толкует следующим образом: «Люди сами себя делают несчастными, покидая и забывая друг друга. «Бедные люди» – тавтология потому, что все люди – «злые дети» по отношению к Отцу Небесному. И здесь раскрывается истинный смысл слова «бедный», определяемого как «забытый, оставленный» <...> этот смысл заложен еще в «Станционном смотрителе», где на стене комнаты для приезжих висят картинки на сюжет «Блудного сына», традиционно толкуемый в христианстве как история взаимоотношений Бога и отвернувшихся от него людей, захотевших быть как боги и без Бога. «Блудные дети» – «злые дети» и «бедные люди» [13].

Иной вариант развития образа чиновника предложен в майковской поэме «Машенька». Бытует мнение, что в поэме представлен «блистательный портрет послушного чиновника» [40]. А. Майкову, как и другим русским писателям 40-х годов, свойственна тенденция к возвышению, «романтизации» «маленького человека» [42]. В поэме А. Майкова реконструируется история отца, у которого обманом увозят дочь. Сюжет не нов и так же как в случае с «Бедными людьми» восходит к пушкинскому «Станционному смотрителю». Для Майкова важна профессия отца: он – не станционный смотритель, а низший чиновник в засаленном вицмундире:

Он двигался, как машина немая;
Как автомат, писал, писал, писал...
И что писал – почти не понимал;
На благо ли отеческого края,
Иль приговор он смертный объявлял –
Он только буквы выводил... Порою
Лишь подходил к соседу стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплин, а так... понюхать табачку [11].

Василий Тихоныч – пародия на человека (чиновника), утратившего священный трепет перед назначением буквы. Крупа предпочел «созерцанию вечных букв, бренность земной оболочки» [42], поэтому в тексте много мирских бытовых деталей, на что обратили внимание критики-современники (Л. Брант «Северная пчела», 1846, №25, 26). Майковский чиновник облечен в бедную худую одежду, живет, как аскет (часть 1), не поддерживает отношения с коллегами, «над ним острится молодой народ». Его думы связаны с дочерью Машенькой, которая вот-вот должна вернуться из пансиона. Майков разрывает связь образа писца со средневековой традицией. Крупа изменяет своему призванию: мысли о дочери препятствуют мыслям о священных буквах. Проезжий офицер украл у Крупы его мечту, приобретшую физическую оболочку, но тот, вопреки ожиданиям, обусловленным литературной историей, в ответ не становится просто борцом за восстановление своего маленького мира ценностей, он проклиная Машеньку. И тем самым отсекает все возможные пути восстановления гармонии. Линия поступка Самсона Вырина им отвергается. В его проклятиях, адресованных дочери, нет ничего жертвенного. По существу, в контексте актуальных для А. Майкова и его эпохи смыслов, это звучит как отказ от поступка.

Два героя «Петербургского сборника» 1846 г. в своих действиях, в своей реакции на окружающий социальный мир демонстрируют отказ, уклонение от господствующей в сознании современников в качестве правомерной, оправданной линии поведения «поступающего» маленького человека. Конечно, в их глубинных мотивах могут усматриваться новые концептуальные подходы к проблеме поступка героя (например, жертвенный отказ от личного счастья и притязаний на него). Но их действительная актуализация в истории русской литературы произойдет несколько позднее в период расцвета русского классического романа. Для читателей-современников «Петербургского сборника» очевидным, вероятно, было только уклонение героя от традиционной линии своего поступка.

А. Майков сознательно «переписывает» финальную часть знаменитого пушкинского сюжета. Его героиня возвращается к отцу, и папенька принимает ее, забывает о родительском проклятии, прощает он и гусара-обидчика.

Не зная как, он дочь уж обнимал,
Не в силах слово вымолвить. – Папаша,
Простите! – «Что, я разве зверь иль жид?»
– Простите! – «Полно! Бог тебя простит!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?...» [11, с. 443].

Мир маленького человека оказался неожиданно и без усилий его героя восстановленным. И это не потребовало от него никакого активно волевого участия, никакого видимого поступка.

А.Н. Майков так реконструирует ситуацию, так мастерски уводит своего героя от необходимого совершения традиционного для него поступка, что «в конечном счете обесмыслило и сам этот поступок, изначально казавшийся <...> безупречным в своем нравственном основании» [26, с. 304]

«Не-поступающий» (либо не способный к поступку) герой в русской литературе отнюдь не новое явление, известное русскому читателю до публикации «Петербургского сборника». Предшествующий русский литературный период дал весьма убедительные образцы такого героя. Но это был герой совершенно иного типа. Его, как правило, называют «лишним человеком», «героем времени». И весьма яркие образцы этого типа были представлены, как известно, А.С. Пушкиным («Евгений Онегин»), М.Ю. Лермонтовым («Герой нашего времени»). Но у них мотивы невозможности осуществления поступка в мире были таковы, что найти их следы в сознании полярно противоположного типа героя («маленький человек») немыслимо. «Ма-

ленький человек» и у А.С. Пушкина («Станционный смотритель», «Медный всадник»), и у М.Ю. Лермонтова был представлен образцами активно «поступающих» персонажей. «Не-поступающий» маленький человек (чиновник) – открытие «Петербургского сборника». Этой установки еще нет в «Физиологии Петербурга», а в «Петербургском сборнике» она ощущается и в содержании некоторых публицистических материалов (например, статья Искандера «Капризы и раздумье»), и в поэтических текстах.

Так, в стихотворении Н.А. Некрасова (пародии на «Казачью колыбельную песню» М.Ю. Лермонтова) представлена программа жизни будущего чиновника с совершенно предсказуемым событийным рядом:

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный:
Русский дворянин.
Заживешь... и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю [11, с. 511].

Н.А. Некрасов очевидно сосредоточен здесь на проблеме поступка героя, точнее – на его отсутствии. Поэт оказывается в водовороте общего поиска причин кризиса поступка [27, с. 338–340]. В «Колыбельной песне», обращенной к чиновнику, его жизненный путь представлен исключительно в логике «подлого», материально обусловленного существования:

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом [11, с. 511].

Поэту здесь важно констатировать, что в жизни «ползающего ужом» чиновника принципиально нет места поступку. Отталкиваясь от мотивов лермонтовской «Казачьей колыбельной песни», используя технику травестийного переосмысления первоисточника [28], Н.А. Некрасов противопоставил жизнь романтического героя, понятую как подготовку к подвигу, поступку, жизни чиновника, принципиально исключающей такую ценностную установку.

Выводы

«Петербургский сборник» являет собой совершенно новую страницу в развитии русской литературной ситуации 30–40-х годов XIX века. Заявившая о себе в предшествующем ему десятилетии проблема «не-поступающего» героя (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов) была расширена за счет вовлечения в нее нового литературного материала. Отказ от поступка, либо его невозможность демонстрируют персонажи, ранее не соотносимые с этой проблемой: маленький человек, чиновник. На наш взгляд, это свидетельствует об углублении системного «кризиса», в котором оказалась русская литература эпохи, проявляющегося в ряду прочего в «кризисе поступка» литературного героя. Расширение ряда «не-поступающих» персонажей косвенно свидетельствует о принципиальных изменениях в русской художественной картине мира, что и является фундаментальной причиной обозначенного кризиса. Этот вопрос уже освещался в научных публикациях [44]. Традиционный герой, встроенный в меняющуюся картину мира, с иной системой ценностных координат, неизбежно обнаружит в себе внутренний диссонанс, выражающийся в его внешней дезориента-

ции в мире. Неспособность литературного персонажа к поступку свидетельствует именно об этом диссонансе.

Своеобразие содержания художественных произведений «Петербургского сборника», на наш взгляд, доказывает его глубокую связь с принципиальными кризисными процессами эпохи.

Литература

1. Алякринская М.А. «Назначение человека – служить, и вся жизнь наша есть служба: Идеи служения и службы в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Управленческое консультирование. 2009. №1. С. 20–27.
2. Баталова Т.П. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: к поэтике сюжета // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. №1. С. 271–276.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Человек в мире слова. М., 1995. С. 22–67.
4. Богданов В.П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 101–125. URL: http://roii.ru/r/1/37_6
5. Боснак Д. Поступок героя как способ реализации зла в художественной системе романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Грехневские чтения сборник научных трудов. 2005. С. 109–111.
6. Бушканец Л.Е. Образ идеального чиновника в творчестве И. Панаева // Филология и культура. 2015. №1 (39). С. 120–124.
7. Васильев В. Образ российского чиновника в свете архетипического психоанализа (на материале поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя) // Публичное управление: теория и практика. URL: http://arhetip.esy.es/pr_5/2012_R/2012_R_25.htm#_ftn1
8. Володина Н.В. Религиозная идея в жизни и творчестве А.Н. Майкова // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда: Легия, 2001. 300 с. URL: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/maikov/1/
9. Готьятова Т.Л. «Маленький человек» в исторической реальности как философская проблема выбора поступка в контексте постмодернизма // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе: сборник научных трудов. Новокузнецк, 2014. Вып. 17. С. 126–135.
10. Готьятова Т.Л. Интерпретация поступка в условиях смерти субъекта // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. 2008. №7. С. 169–176.
11. Петербургский сборник, изданный Н.А. Некрасовым. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846.
12. Жучкова А.В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. №1. С. 51–62.
13. Касаткина Т.А. Новые слова вещей. Элемент художественного текста Ф.М. Достоевского. Концепт, цитата, эпиграф // Новый мир. 2011. №10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/ka14.html#_ftnref4.
14. Кошелев В.А. «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Н.В. Гоголя и писателей «гоголевского направления» // Литература в школе. 2009. № 2. С. 2–6.
15. Кравченко Е.В. Романы А.Ф. Писемского «Тысяча душ» и А.И. Герцена «Кто виноват?»: проблема героя // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26 (65). №3. С.190–194.
16. Кришталева Л.Г. Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах – опыт реконструкции) М., 2010. 123 с.
17. Лотман Л.М. История русской литературы: в 4 т. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2. С. 609–610.
18. Лотман Ю.М. Люди и чины // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). Искусство. СПб, 1994. URL: http://literatura5.narod.ru/lotman_ludi_i_chiny.html#1
19. Лошаков Р.А. Герменевтика поступка // И. Кант и М. Бахтин: вечный мир и диалог. 2014. С. 35–39, 120–124.

20. Мертен С. Механизмы литературного психологизирования («Бедные люди» Достоевского и «Кто виноват?» Герцена) // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. М.: Новое издательство, 2006. 394 с.
21. Михайлов А.П. Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 24 с.
22. Монхбат И. Феномен поступка в трагедии У. Шекспира «Гамлет» URL: https://drive.google.com/file/d/0B4lvRe6GR_Ty6UEs0d3pxZ0p0WHM/view
23. Назаренко О.Г. Концепт «чиновник» в текстах отечественной культуры: дис. ... канд. культурол. Владивосток, 2007. 215 с.
24. Николаев Н.И. Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. 2012. №3. С. 173–176.
25. Николаев Н.И., Швецова Т.В. Русская литература 30–40-х годов. «Ожидание героя» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №3 (29). С. 125–142.
26. Николаев Н.И., Швецова Т.В. «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина и проблема кризиса поступка героя // Литературное общество «Арзамас»: история и современность / отв. ред. С.Н. Пяткин. 2015. С. 298–306.
27. Николаев Н.И., Швецова Т.В. Лермонтовские перемены Н.А. Некрасова и проблема кризиса поступка героя // Мир науки, культуры, образования. 2014. №6 (49). С. 338–340.
28. Николаев Н.И. Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века. Архангельск, 2000. 119 с.
29. Полева Е.А. Этика поступка и этика письма в романе В. Набокова «Отчаяние» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. №8. С. 27–39.
30. Проскурина Ю.М. Натуральная школа в свете эволюции и типологии классического реализма: Монография. Екатеринбург: АМБ, 2001. 73 с.
31. Сокол Е.М. «Маленький человек» в творчестве русских писателей 1840-х годов в свете христианской традиции: От Гоголя – к Достоевскому: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
32. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 200.
33. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
34. Хализев В.Е. Теория поступка М.М. Бахтина в контексте философии XX века // Литературоведение как литература. Сборник в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 339–343.
35. Царев А.А. Канцелярский чиновник Гончаров. URL: <http://www.icr.su/upload/goncharov.pdf>
36. Шевырев С.П. Петербургский сборник, изданный Н.А. Некрасовым // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html
37. Шурупова О.С. Образ «маленького человека» в петербургском и лондонском тексте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №4 (57). С. 120–123.
38. Шурупова О.С. Терпение и бунт как ключевые категории Петербургского текста русской литературы // Ломоносов–2009. URL: http://lomonosov.sfedu.ru/archive/Lomonosov_2009/teorlit/shurupova.pdf
39. Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник»: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 170 с.
40. Эпиграммы цензора. Аполлон Майков // Новая газета. 2005. №13 от 21 февраля. URL: <https://www.novayagazeta.ru/issues/1015>
41. Эпштейн М. Поступок и происшествие: К истории судьбы // Вопросы философии. 2000. №9. С. 67.
42. Эпштейн М. Блаженный переписчик: Акакий Башмачкин и князь Мышкин // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. URL: <http://fanread.ru/book/12444888/?page=16>
43. Melnikova S.V. A parish priest as a character of the Russian 19th century fiction: A variation on the little man* theme // Russkaia Literatura. 2015. January (4). P. 96–105.
44. Nickolaev N.I., Shvetsova T.V. “Crisis of action” of the russian literary character in literary discourse // Man In India. 2017. Vol. 97. Issue 10. P. 449–462.

References

1. Al'akrinskaja M.A. "Naznachenie cheloveka – sluzhit', i vsia zhizn' nasha est' sluzhba: Idei sluzheniia i sluzhby v knige N.V. Gogolia "Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami" [The appointment of a person is to serve, and our whole life is a service: The ideas of service in Gogol's book "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. *Upravlencheskoie konsult'irovanie* [Management consultation], 2009, no. 1, pp. 20–27.
2. Batalova T.P. Roman F.M. Dostoevskogo «Bednye l'udi»: k poetike siuzheta [Dostoyevsky's novel «Poor folk». On poetics of the plot]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2012, no. 1, pp. 271–276.
3. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. *Chelovek v mire slova* [Man in the World of the Word]. Moscow, 1995, pp. 22–67.
4. Bogdanov V.P. "Krapivennoe semia": chinovnichestvo i rossiiskaia samorefleksiiia ["Nettle seed": officialdom and Russian self-reflection]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2011, vol. 37, pp. 101–125. Available at: http://roii.ru/r/1/37_6
5. Bosnak D. Postupok geroia kak sposob realizacii zla v hudozhestvennoi sisteme romana F. Sologuba "Melkii bes" [The hero's act as a way of realization of evil in the artistic system of F. Sologub's novel "The Little Devil"]. *Grekhnevskie chteniia* [Grekhnevskie chteniia], 2005, pp. 109–111.
6. Bushkanec L.E. Obraz ideal'nogo chinovnika v tvorchestve I. Panaeva [The image of an ideal official in the works of V.L. Panaev]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2015, no. 1 (39), pp. 120–124.
7. Vasil'ev V. Obraz rossiiskogo chinovnika v svete arhetipicheskogo psihoanaliza (na materiale poemy "Mertvyie dushi" N.V. Gogolia) [The image of Russian official in the context of archetypal psychoanalysis (on the material of N.V. Gogol's poem "Dead Souls")]. *Publichnoe upravlenie: teoriia i praktika* [Public management: theory and practice], 2012, no. 5. Available at: http://arhetip.esy.es/pr/5/2012_R/2012_R_25.htm#_ftn1
8. Volodina N.V. Religioznaia ideia v zhizni i tvorchestve A.N. Maikova [Religious idea in the life and work of An Maikova]. *Russkaia kul'tura na poroge tret'ego tysiacheletia: Khristianstvo i kul'tura* [Russian culture on the threshold of the third Millennium: Christianity and culture]. Vologda, 2001. 300 p. Available at: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/maikov/1/
9. Got'iatova T.L. "Malen'kii chelovek" v istoricheskoi real'nosti kak filosofskaia problema vybora postupka v kontekste postmodernizma [A "little man" in historical reality as a philosophical problem of an act choice in the context of postmodernism]. *Sovremennye voprosy teorii i praktiki obucheniia v vuze* [Modern problems of theory and practice of education in the university]. Novokuznetsk, 2014, vol. 17, pp. 126–135.
10. Got'iatova T.L. Interpretaciia postupka v usloviiakh smerti sub"ekta [Interpretation of an act in the death of a subject]. *Sovremennye voprosy teorii i praktiki obucheniia v vuze* [Modern problems of theory and practice of education in the university], 2008, no. 7, pp. 169–176.
11. *Peterburgskii sbornik, izdannyi N.A. Nekrasovym* [Petersburg Collection]. St Petersburg, 1846.
12. Zhuchkova A.V. Vneshnii lokus kontroliia kak substancional'noe svoistvo "malen'kogo cheloveka" v russkoi literature XIX veka [The external locus of control as a substantial property of the "little man" in Russian literature of the XIX century]. *Filologiya i chelovek* [Philology and a man], 2016, no. 1, pp. 51–62.
13. Kasatkina T.A. Novye slova veshhei. Element hudozhestvennogo teksta F.M. Dostoevskogo. Koncept, citata, epigraf [New words of things. The element of a literary text of F.M. Dostoyevsky. Concept, quote, epigraph]. *Novyi mir* [The new world], 2011, no. 10. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/ka14.html#_ftnref4.
14. Koshelev V.A. "Ponimat' ne ponimaiu, a otvechat' mogu": obraz russkogo chinovnika u N.V. Gogol'a i pisatelei "gogolevskogo napravleniia" ["I don't understand, but I can answer": The image of Russian official in creativity of Gogol and writers of «Gogol's direction»]. *Literatura v shkole* [Literature in school], 2009, no. 2, pp. 2–6.
15. Kravchenko E.V. Romany A.F. Pisemskogo "Tysiacha dush" i A.I. Gercena "Kto vinovat?": problema geroia [A.F. Pisemskiy's novel "A thousand souls" and A.I. Herzen's novel "Who is to blame?": The problem of hero]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I.*

Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Social'nyie kommunikacii [Scientific notes of Tavrida National V.I. Vernadsky University. Series: Philology. Social communication], vol. 26 (65), no. 3, pp. 190–194.

16. Krishtal'ova L.G. *Filosofia i etika postupka (struktura i znachenie postupka v razlichnykh kul'turno-istoricheskikh obstoiatel'stvakh – opyt rekonstrukcii)* [Philosophy and ethics of the action (Structure and meaning of action in various cultural and historical circumstances – experience of reconstruction)]. Moscow, 2010. 123 p.

17. Lotman L.M. *Istoriia russkoi literatury: v 4 t.* [The history of Russian literature in 4 vol.]. Moscow; Leningrad: Science, vol. 2, 1964, pp. 609–610.

18. Lotman Iu.M. *Liudi i chiny* [People and ranks]. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX)* [Conversations about Russian Culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)]. St Petersburg, 1994. Available at: http://literatura5.narod.ru/lotman_ludi_i_chiny.html#1

19. Loshakov R.A. *Germenevtika postupka* [Hermeneutics of the act]. *I. Kant i M. Bahtin: vechnyi mir i dialog* [I. Kant and M. Bakhtin: Perpetual Peace and Dialogue], 2014, pp. 120–124.

20. Merten S. *Mehanizmy literaturnogo psikhologizirovaniia* (“Bednyie l’udi” Dostoevskogo i “Kto vinovat?” Gercena) [Mechanisms of literary psychologizing (“Poor folk” by Dostoevskiy and “Who is to blame?” by Herzen)]. *Russkaia literatura i medicina: Telo, predpisaniia, social'naia praktika* [Russian literature and medicine: Body, instructions, social practice]. Moscow, 2006. 394 p.

21. Mihailov A.P. *Modelirovaniie koncepta “vlasti” v russkoi iazykovoi kartine mira* [Modeling of the concept of “power” in the Russian language world picture. Dr. dis.]. Novosibirsk, 2010. 24 p.

22. Monhbat I. *Fenomen postupka v tragedii U. Shekspira “Gamlet”* [The phenomenon of the act in W. Shakespeare's tragedy “Hamlet”]. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B4lvRe6GRTy6UEs0d3pxZ0p0WHM/view>

23. Nazarenko O.G. *Koncept “chinovnik” v tekstakh otechestvennoi kul'tury* [The concept of “official” in the texts of Russian culture. Dr. dis.]. Vladivostok, 2007. 215 p.

24. Nikolaev N.I. *Literaturnyi geroi v mire ego postupka* [Literary hero in the world of his act]. *Diskussiiia* [Discussion], 2012, no. 3, pp. 173–176.

25. Nikolaev N.I., Shvetsova T.V. *Russkaia literatura 30–40-kh godov. “Ozhidanie geroia”* [Russian literature of the 1830–1840s. “Awaiting a hero”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2014, no. 3 (29), pp. 125–142.

26. Nikolaev N.I., Shvetsova T.V. *Lermontovskie perepevy N.A. Nekrasova i problema krizisa postupka geroia* [The rehash of N.A. Nekrasov in Lermontov's works and the problem of a crisis of a character's action]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture and education], 2014, no. 6 (49), pp. 338–340.

27. Nikolaev N.I. *Russkaia literaturnaia travestiia. Vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX veka* [Russian literary travesty. The second half of XVIII–first half XIX century]. Arkhangelsk, 2000. 119 p.

28. Poleva E.A. *Etika postupka i etika pis'ma v romane V. Nabokova «Otchaianie»* [The ethics of act and the ethics of writing in the novel by Nabokov “Despair”]. *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog* [Russian literature of the XX century: names, problems, cultural dialogue], 2006, no. 8, pp. 27–39.

29. Proskurina Iu.M. *Natural'naia shkola v svete evoliucii i tipologii klassicheskogo realizma* [The natural school in the view of evolution and typology of classical realism]. Ekaterinburg, 2001. 73 p.

30. Sokol E.M. *“Mal'en'kii chelovek” v tvorchestve russkikh pisatelei 1840-h godov v svete hristianskoi tradicii: Ot Gogolia – k Dostoevskomu* [The “little man” in the works of Russian writers of the 1840s in the light of the Christian tradition: From Gogol to Dostoevskiy. Dr. dis.]. Moscow, 2003. 24 p.

31. Tomashevskii B.V. *Teoriia literatury. Poietika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, 1999. 200 p.

32. Tiupa V.I. *Analiz hudozhestvennogo teksta* [Analysis of the artistic text]. Moscow, 2009. 336 p.

33. Halizev V.E. *Teoriia postupka M.M. Bahtina v kontekste filosofii XX veka* [M.M. Bakhtin's theory of the act in the context of the philosophy of the XX century]. *Literaturovedenie kak literaturo-*

ra. *Sbornik v chest' S.G. Bocharova* [The study of literature as literature. Collection in honor of S.G. Bocharov]. Moscow, 2009, pp. 339–343.

34. Tsarev A.A. *Kanceliarskii chinovnik Goncharov* [Clerical officer Goncharov]. Available at: <http://www.icr.su/upload/goncharov.pdf>

35. Shevryev S.P. *Peterburgskii sbornik, izdannyi N.A. Nekrasovym* ["Petersburg Collection", published by N.A. Nekrasov]. *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. Available at: http://dugward.ru/library/shevryev/shevryev_pb_sborm.html

36. Shurupova O.S. *Obraz "mal'en'kogo cheloveka" v peterburgskom i londonskom tekste* [The image of a "little man" in the Petersburg and London texts]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, no. 4 (57), pp. 120–123.

37. Shurupova O.S. *Terpeniie i bunt kak kl'uchevye kategorii Peterburgskogo teksta russkoi literatury* [Patience and riot as key categories of the Petersburg text of Russian literature]. *Lomonosov–2009* [Lomonosov–2009]. Available at: http://lomonosov.sfedu.ru/archive/Lomonosov_2009/teor-lit/shurupova.pdf

38. Shheglova I.V. *Lingvokul'turnyi tipazh "chinovnik": na materiale russkogo iazyka* [Linguo-cultural type of "official": on the material of the Russian language. Dr. dis.]. Volgograd, 2010. 170 p.

39. *Epigrammy tsenzora. Apollon Maikov* [Epigrams of censor. Apollon Maikov]. *Novaia gazeta* [Newspaper], 2005, no. 13. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/issues/1015>

40. Epshtein M. *Postupok i proisshestvie: K istorii sud'by* [Act and incident: To the history of fate]. *Voprosy filosofii* [The questions of philosophy], 2000, no. 9, p. 67.

42. Epshtein M. *Blazhennyi perepischik: Akakii Bashmachkin i kniaz' Myshkin* [Blessed scribe: Akaki Akakievich and Prince Myshkin]. *Ironiia ideala. Paradokсы russkoi literatury* [The irony ideal. Paradoxes of the Russian literature]. Available at: <http://fanread.ru/book/12444888/?page=16>

43. Melnikova S.V. *A parish priest as a character of the Russian 19th century fiction: A variation on the little man theme. Russkaia Literatura*, 2015, January(4), pp. 96–105.

44. Nickolaev N.I., Shvetsova T.V. "Crisis of action" of the Russian literary character in literary discourse. *Man In India*, 2017, Vol. 97, Issue 10, pp. 449–462.

Для цитирования: Швецова Т.В. «Мир поступка» чиновника в «Петербургском сборнике» (1846) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №2 (83). С. 97–108. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-13

For citation: Shvetsova T.V. "Universe of actions" of an official in "Petersburg collection". *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 2 (83), pp. 97–108. DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-83-13